

To the question of derivational semantic space of the word-formative nests

The article focuses on the problem of semantic organization of the word-formative nest and its constituting components on the basis of cognitive approach to the study of linguistic phenomena. Onomasiological analysis of derivatives as a part of the word-formative nest expands the idea of derivational semantic space of the word-formative nests due to the more detailed explanation of semantic relations between cognates belonging to different structural units: derivational couple, derivational chain and derivational paradigm. A special accent is made on the process of identifying semantic correlation between the source word of the word-formative nest and derivatives at the first stage of derivation. The analysis revealed three types of relations, each of them has several modifications based on quantitative correlation between lexical-semantic variants of the producing and the derivative words as well as on the possibility to identify the motivational basis of derivatives. The article gives characteristic of the word-formative nest according to the transformations of the semantic base of source word and the appearance of derivatives with phraseological semantics in the composition of derivatives. On this basis word-formative nests are divided into commutative (without derivatives with phraseological semantics) and non-commutative (having in their composition derivatives with phraseological semantics).

Keywords: derivational semantic space, lexical-semantic variant, word-formative nest, derivational chain, derivational paradigm, derivational unit, derivational microunit, derivational macrounit.

© **О. А. Димитриева**
ЧГПУ, г. Чебоксары

Отношение к еде в русской языковой картине мира (на примере глагола *нахлебаться*)

Статья посвящена исследованию проявления такого аспекта национального характера, как «стремление во всем доходить до крайностей» (по выражению Д. С. Лихачева), выраженного в сатуративном способе глагольного действия, в частности, в глаголах с семантикой ‘результат поглощения пищи’. С одной стороны, высказывания с такими глаголами, как *наестся, нажраться, налопаться, напрескаться, нахлебаться* и т. п., обозначают желание, намерение субъекта действия, его отношение к еде (в т. ч. и к другим объектам при переносном употреблении), с другой — в них выражается оценка стороннего наблюдателя субъекта, поглощающего пищу. Особое внимание уделяется глаголу *нахлебаться*. Так, подробно описывается контекстуальное окружение глагола и его грамматические особенности. Присутствие семы ‘жидкость’ в семантике глагола *нахлебаться* обусловило его метафорическое употребление, связь с метафорой ЖИЗНЬ — ВОДНЫЙ ПОТОК (море, река). Материалом исследования послужила выборка фрагментов из современных художественных и публицистических текстов из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: концептуализация действия, сатуративный способ глагольного действия, национальный характер, стереотип, менталитет, языковая картина мира, лингвокультурология.

Глагольная лексика в силу своего лексико-грамматической специфики является средством фиксации в национальном языке способов взаимодействия человека с миром — с другими людьми, предметами, явлениями и т. п.

Л. Г. Бабенко отмечает, что при анализе денотативного пространства глагола, т. наз. «процессуально-событийного мира», на первый план выступает яркая национально-специфическая окраска, выделяется богатое лексическое воплощение тех или иных типовых ситуаций [1]. Так, в русском языке представления и знания о ситуации насыщения находят свое выражение в глаголах со значением 'результат поглощения пищи' со словообразовательными формантами *на-...-ся* и *об-...-ся* (т. наз. сатуративный (сативный) способ глагольного действия), причем первый часто обозначает 'достижение желаемого результата', а второй — нежелательные, негативные, последствия (подробнее см. [2]). К сатуративным глаголам относятся *наестся, нажраться, налопаться, натрескаться, нахлебаться* и соответственно *обьестся, обожраться, облопаться, обтрескаться*. Д. С. Лихачев, рассуждая о характере русских, отмечает одну черту, составляющую «несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного» [3]. На наш взгляд, такая черта проявляется и в бытовых вещах, в том числе в поглощении еды и культуре питания.

В данной статье мы подробно рассмотрим глагол *нахлебаться*, обладающий ярко выраженными семантико-стилистическими особенностями; через отношение к еде (в данном случае через результат поглощения пищи) также проявляются социальные взаимоотношения, восприятие окружающих событий и формируется представление о них. В толковых словарях, как правило, указывается на два значения глагола *нахлебаться*: 1) Вдоволь, много похлепать чего-л.; 2) *перен.* Натерпеться чего-л. неприятного, тяжелого и т. п. [4]; Вдоволь, много похлепать, попить. *Н. молока. Н. горя* (*перен.*) [5]. Т. Ф. Ефремова выделяет следующие значения: 1) а) Похлепать много, вдоволь; б) Хлебая, наестся; 2) Напиться пьяным; 3) *перен.* Натерпеться (*горя, страху* и т. п.) [6]. Анализируя примеры, необходимо отметить следующее: значения рассматриваемого глагола делятся в зависимости от контролируемости/неконтролируемости действия субъектом. Так, значение «хлебая, наестся» несет, как

правило, положительные коннотации (желание осуществления действия субъектом, его стремление, намерение) и предполагает сочетаемость с объектом с семантикой 'что-либо жидкое': суп, варево, борщ и т. п.

За день набегаются охотник по лесу, все патроны перестреляет, ничего не убьет, намается, наломается, домой придет, ружье не почистит, в угол сунет, сам горячих щей нахлебается и — спать (Тульское ружье. Сказка // «Чиж», 1941)

При переносном употреблении в значении «напиться пьяным» (причем многие глаголы с семантикой 'поглощения пищи' употребляются в значении 'избыточное употребление спиртного', ср. *натрескаться, нажраться, выжраться (бутылку)* и т. п., в таких высказываниях алкоголь приравнивается к пище с подчеркиванием количественного компонента) выражаемая оценка носит полисубъектный характер: с одной стороны, эксплицируется намерение субъекта действия, с другой, — дается оценка со стороны, выражается отношение к субъекту-носителю состояния:

— *Сам-то ты Семен, вишь, нахлебался опять и лыка не вяжет, — сказала Авенирова старуха. — А кто хозяин в доме — я или курицы? — Козонков сделал попытку стукнуть по столу кулаком* (В. Белов. Плотничьи рассказы).

Неконтролируемость действия связана в основном со стихийными событиями. Так, одно из значений «в результате погружения под воду наглотаться ее» (то же самое относится и к газообразной среде):

Кое-как добирался до берега, часто нахлебавшись воды, но ни разу не позвав на помощь (Б. Васильев. Ольга, королева русов); *В бою на Болимовском выступе — это под Варшавой — германцы применили хлор. Я нахлебался, сознание потерял, солдаты вытащили* (Б. Васильев. Оглянись на середине); *Вскоре у него начала слегка кружиться голова. Почва под ногами тихо зыбилась и покачивалась. «С непривычки это, духу земляного нахлебался»* (Ф. Абрамов. Братья и сестры).

В таких высказываниях указывается на физические последствия для субъекта действия (кое-как передвигаться, головокружение, уход почвы из-под ног и т. п.).

Как известно, человек — «мера всех вещей» и одновременно эталон измерения. Представление о жизненных перипетиях как о жидкости, заполняющей пространство вокруг человека, «погруженность» его в проблемы, стихийность, неконтролируемость событий обусловлено метафорой ЖИЗНЬ — ВОДНЫЙ ПОТОК. Как тонко отмечает Н. К. Рябцева, объясняя «принцип наглядности» в языке, непредметные сущности описываются «по образу и подобию (восприятия) предметного мира», в результате чего язык раз-

вивает дополнительные (переносные) значения, «при этом окружающий мир человека аксиологизируется, символизируется и психологизируется, а внутренний мир параметризуется и объективируется» [7]. Так, в нашем случае, жизненные события, проблемы, неурядицы «опредмечиваются», представляются непрерывным потоком, постепенно накрывающем человека, причем этот процесс идет по направлению снизу-вверх, что дает сочетаемость рассматриваемого глагола с адвербиальными выражениями *доверху, по горло, выше головы, выше крыши*:

«...нет, те, кто мечтает о «сильной руке» сегодня, они мне чужие, потому что мы этой сильной руке наглядельсь и жизни такой нахлебались выше крыши... (Р. Черепанова. Интеллигенция и «тайное знание» // «Неприкосновенный запас», 2010); А комментарий, в котором говорится, что Адам из рая был Господом изгнан, писал Серегин, возник много позже, когда люди, сполна наевшиеся познанием, *доверху нахлебавшиеся злом и горем, стали думать — зачем им все это, неужели рая Адаму было мало?* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря).

Раскрытие метафоры ЖИЗНЬ — ВОДНЫЙ ПОТОК может реализоваться на протяжении всего текста, репрезентируя взгляд на жизнь. Такой тип метафоризации Е. Е. Юрков называет рематематическим, при котором метафоры выполняют оценочно-характеризующую функцию, «придавая теме, топике текста ту аксиологическую значимость, которая и соответствует авторской установке, цели высказывания» [8]. Рассмотрим следующий пример:

*Сегодня для нас такой формой и является демократизация производственной и общественной жизни. И здесь не надо бояться **утонуть в волнах проблем и дискуссий, надо учиться плавать**. Решить же эту задачу, **не окунаясь с головой в практическое решение проблем**, нельзя. Правда, при этом можно изрядно **нахлебаться**», но в любом случае — это лучше, чем овладевать искусством маскировать проблемы, **загонять их в глубину**. Вот тогда на самом деле есть риск **захлебнуться в волнах стихии**. А пока время есть — надо действовать. Медлить нельзя! (Л. Булавка).*

Противоречия самоуправления, или Почему не увенчались успехом выборы совета трудового коллектива НИИ ВЭФ // «Техника — молодежи», 1989). Как видно из примера, жизнь осмысливается через образ водной стихии, волны которой — проблемы, человек — субъект, находящийся в стихии. Текст носит прескриптивный характер (*не надо, нельзя, лучше*). Основные компоненты в составе этого образа — действия, обозначающие, с одной стороны, необходимость правильной деятельности (*учиться плавать, окунуться с головой, надо действовать / не маскировать проблемы*), с дру-

гой, — последствия в случае отсутствия желательных действий (*нахлебаться, захлебнуться*).

Так как в высказываниях с глаголом *нахлебаться* часто события носят стихийный характер, не поддающийся контролю, то говорящим это оценивается негативно. Валентность объекта при глаголе заполняется существительным в родительном падеже объекта. Это может быть указание на период времени, наполненной теми или иными событиями, испытаниями, *жизнь* в том или ином социальном проявлении (*монастырская жизнь, картины русской жизни, семейная жизнь* или в сочетании с подчеркивающими какой-либо аспект местоимениями *такой, другой, всякий*):

В инсценировке он дан в финале первого действия, после того, как Автор «нахлебался» картин русской жизни и впал в отчаяние (М. Козаков. В своем квадрате); — *Ты что, чувствительней меня?* — *Нет. Но, чтобы ощущать счастье от такой жизни, надо нахлебаться другой. Надо пожить, например, в лагере* (В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000).

В функции объекта зачастую также используется стилистически сниженная лексика, обозначающая испражнения, и существительные, обозначающие этическое значение события, с (резко) отрицательным значением (*мерзость, грязь, гадость, лихо, зло, бред, беда, горечь, горе* и т. д.):

— *Тем более ты обязан помочь воскресить ее в новом качестве. — А если я сбегу, барон? Я столько грязи нахлебался, столько подлости повидал, что...* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед); *Кто нахлебался в жизни гадостей, Способен оценить и вкусы малых радостей* (В. Голяховский. Русский доктор в Америке).

В высказываниях с глаголом *нахлебаться* могут проявляться взаимоотношения с другими лицами, причем также дается негативная оценка ситуации как при отсутствии (в сочетании с существительным в родительном падеже с предлогом *без*), так и присутствии (с существительным в дательном падеже с предлогом *с* или в родительном с предлогом *от*) того или иного субъекта:

— *Отпусти мальчика, — слышит Саша голос женщины. — Он без тебя нахлебается. Пальцы разжались, и Саша, оглушенный болью, карабкается по песчаному склону вверх* (Ю. Трифонов. Время и место); *У него все образуется. Ему только фонды выбить...* — *С ума сошел, Иван Яковлевич... С ним нахлебаешься, с твоим Синицыным... Он под комбайн план завалит, а нам...* — *Какой там план!.. У него простаивает опытный цех при ОКБ...* (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998); — *Я не всегда была такой, — говорила она Короткову. — Пока работала следователем, нахлебалась от мужа всякого. Потом поняла, что состояние в браке с работником милиции — это профессия, которой далеко не каждый может овладеть* (А. Маринина. Стечение обстоятельств).

Определение некоторых вещей как не зависящих от человека, невозможность контролировать определенного рода события, с одной стороны, всегда оцениваются отрицательно, с другой, предсказывают некий фатум и свидетельствуют о пассивности, в ряде случаев обреченности субъекта действия.

В высказываниях с глаголом *нахлебаться* субъект действия носит конкретно-референтный характер, само действие в первом и втором значении локализовано на линии времени, а в третьем значении («претерпеть трудности») действие имеет подытоживающий характер, выдает ретроспективный взгляд со стороны на событие или целый ряд, поэтому не локализовано в одной временной точке, а характеризует жизненный период.

Отметим некоторые грамматические характеристики форм глагола *нахлебаться*. Так, самой частотной формой является форма прошедшего времени (57 % от общего числа примеров — 115), далее идут форма инфинитива (13 %), настоящего-будущего времени (12 %), деепричастия (8,7 %), причастия (7,8 %), сослагательного наклонения (1 пример — 0,86 %), форма повелительного наклонения не встретилась.

Таким образом, семантическая модель определенного способа глагольного действия, актуализируя определенный аспект семантики, является формой представления знаний о культуре и мире.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // Денотативное пространство русского глагола: материалы IX Кузнецовских чтений. Екатеринбург, 1998. С. 10.

2. *Димитриева О. А.* Норма и результат приема пищи: глаголы *наестся* и *объестся* // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 21–35.

3. *Лихачев Д. С.* Русский национальный характер // Избранные мысли о жизни, истории, культуре / сост. Д. С. Бакун. М., 2006. С. 265.

4. *Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. М., 1999.*

5. *Ожегов И. С., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 398.

6. *Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М., 2006.

7. *Рябцева Н. К.* Ментальная сфера по данным языка: когнитивный аспект // Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А. А. Реформатского. М., 2004. С. 457.

8. *Юрков Е. Е.* Метафора в аспекте лингвокультурологии: монография. СПб., 2012. С. 70.

Attitude to food in the russian language picture of the world (on the example of the verb *nakhlebat'sya*)

The article is devoted to the research of manifestation of such aspect of national character as “aspiration in everything to reach extremes” (according to D. S. Likhachev), expressed in a saturational mode of action, in particular, in verbs with semantics “the result of eating food”. On the one hand, statements with such verbs as *nayest'sya* (to eat one's fill), *nalopat'sya*, *natreskat'sya*, etc., designate desire, intention of the subject of the action, his / her attitude to food (and to other objects in a figurative use); on the other hand, these statements show the assessment of the subject of the action “the result of eating food” by the outside observer. The special attention is paid to the verb *nakhlebat'sya*. So, the lexical compatibility of the verb and its grammatical features are described in detail. Having in its semantics the seme ‘liquid’, the verb has caused its metaphorical use in connection with the metaphor LIFE — WATER STREAM (the sea, the river). Material for the research contains fragments of contemporary literary and media texts taken from the National corpus of the Russian language.

Keywords: conceptualisation of the action, saturational mode of action, national character, stereotype, mentality, language picture of the world, linguoculturology.

© М. В. Дудорова, М. В. Слаутина
УрФУ, г. Екатеринбург

Эмотивное пространство рождественского рассказа (на материале рассказа Н. Лескова «Зверь»)¹

Статья посвящена анализу эмотивного пространства рождественских рассказов русских писателей. Авторы доказывают, что отличительной чертой произведений данного жанра является оппозитивный принцип организации семантического пространства, в котором значительную роль играют противоположные эмотивные смыслы. Особую тональность рождественским рассказам придает «наивный» взгляд на мир: события изображены через призму восприятия ребенка. В центре повествования – рассказ о рождественском чуде, которое в первую очередь связано с идеей перерождения грешной души.

Статья содержит анализ эмотивного пространства рассказа Н. С. Лескова «Зверь». Доказано, что политональность данного произведения создается в результате взаимодействия различных эмотивных смыслов, которые «группируются» вокруг двух семантических доминант – «Ужас» и «Любовь». В процессе анализа были выделены языковые средства отображения эмоций: лексические, синтаксические и собственно текстовые; рассмотрены фразовые эмотивные смыслы, фрагментные смыслы, представленные в различных композиционных формах речи; определены функционально-текстовые разновидности эмотивных смыслов (интерпретационно-характерологические и изобразительно-жестовые).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).